

Н. В. Корзун

студент кафедры социальной психологии факультета психологии ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет»

И. Ю. Суворова

кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет»

Определение границ феномена базовой психологической потребности в принадлежности

N. V. Korzun

Student of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Moscow psychologic-social university

I. Yu. Suvorova

Ph. D. (Psychology), Associate Professor of the Department of Social Psychology, Moscow psychologic-social university

Looking toward the boundaries of the phenomenon of the basic psychological need for relatedness

Статья посвящена уточнению понятия «принадлежность» и определению границ феномена. С этой целью были проведены два исследования: фокус-группа и полевой опрос. Результаты фокус-группы показали, что больший процент респондентов понимают под принадлежностью включение в группу. Вместе с этим были выявлены еще несколько представлений о принадлежности: вовлеченность — отчужденность, ощущение полноты и целостности — пустота. Полевой опрос подтвердил полученные данные: большинство ответов связаны с пониманием принадлежности как причастности в группе, однако имелись ответы, описывающие принадлежность как причастность к группе — отчужденность и как близость — зависимость. Последующий теоретический анализ был направлен на описание взаимосвязи принадлежности со смежными феноменами, такими как социальная идентичность, эго-идентичность, привязанность, зависимость и социальная эксклюзия.

Ключевые слова: потребность в принадлежности, теория самодетерминации, привязанность, зависимость, эго-идентичность, социальная идентичность, социальная эксклюзия.

Потребность в принадлежности является одной из базовых психологических потребностей человека [39] и диагностируется с помощью одной из шкал одноименного опросника [33]. Адаптация опросника на русский язык [21] показала, что шкала принадлежности, в отличие от шкал автономии и компетентности, имеет наибольшую дисперсию и сравнительно низкие показатели ретестовой надежности (корреляция шкал «автономия» при первом опросе со шкалой «автономия» при втором опросе равна $r = 0,725$ при $p \leq 0,01$; корреляция шкалы «компетентность» при первом и втором опросе равна $r = 0,882$ при $p \leq 0,01$; корреляция шкал «принадлежность» при первом и втором опросе равна $r = 0,428$ при $p \leq 0,05$). Причиной этому, на наш взгляд,

является недостаточное внимание, уделяемое потребности в принадлежности на этапе создания как опросника, так и теории в целом. Так, в основе теории базовых психологических потребностей лежат эмпирические исследования влияния автономии на внутреннюю мотивацию и слабую включенность в окружающую реальность [32; 34].

Таким образом, границы феномена принадлежности, предложенного в теории самодетерминации, не были выделены должным образом и нуждаются в прояснении. Именно поэтому целью данной работы является поиск границ феномена для последующего уточнения инструментария.

Наше поисковое исследование проходило в два этапа. На первом этапе была проведена фокус-группа, направленная на понимание феноменологии, заложенной в шкале «принадлежность» общей шкалы удовлетворения базовых психологических потребностей, и сужение границ нашего поиска. Второй этап был посвящен уточнению полученных результатов на большой выборке и проводился методом опроса. В фокус-группе приняли участие 7 человек (трое мужчин и четыре женщины в возрасте от 18 до 20 лет). Респонденты являлись студентами Московского психолого-социального университета и обучались на 1–4-м курсах юридического и экономического факультетов. Причем группы составлялись таким образом, чтобы студенты не были знакомы между собой.

Второй этап исследования, опрос, проводился на выборке из 53 человек в возрасте от 21 до 49 лет (32 женщины, 21 мужчина).

Проведение фокус-группы

В рамках фокус-группы были освещены следующие вопросы.

1. Про что, на ваш взгляд, следующий ряд утверждений (утверждения из шкалы «принадлежность»)?
2. Как бы вы определили понятие «принадлежность»?
3. Какое понятие является противоположным к понятию «принадлежность»?
4. Глядя на метафорическую ассоциативную карту, что вы можете сказать о принадлежности?

Полученные ответы обрабатывались с помощью контент-анализа (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов участников фокус-группы

Вопрос	Ответы	Частота ответа, %
1. Про что, на ваш взгляд, следующий ряд утверждений (утверждения из шкалы «принадлежность»)?	Взаимодействие людей	28
	Межличностные отношения	42
	Социальные контакты и мое отношение к ним	28

Вопрос	Ответы	Частота ответа, %
2. Как бы вы определили понятие «принадлежность»?	Включенность в группу	57
	Отношения с другим человеком	28,7
	Необходимое чувство для ощущения счастья	14,3
3. Какое понятие является противоположным к понятию «принадлежность»?	Отчужденность	85,7
	Одиночество	14,3
4. Глядя на метафорическую ассоциативную карту, что вы можете сказать о принадлежности?	Антоним: когда не чувствуешь принадлежность, человек «голоден», не может ощутить всех красок жизни	14,3
	Забота о других	14,3
	Антоним: ощущение одиночества	14,3
	Целостность (себя, а также себя с миром)	14,3
	Ощущение наполненности, когда чем-то увлечен	14,3
	Чувство защищенности и безопасности	14,3
	Любовь	14,3

Как видно из таблицы, для большинства респондентов под принадлежностью понимается включение в группу (57 %). Именно этот смысл и был заложен в теории самодетерминации. Однако 43 % ответов вышли за эти рамки (диадные отношения и переживание счастья). Проективная работа позволила дополнить эти определения такими, как чувство полноты, целостности и любовь.

В результате были сформулированы следующие параметры феномена «принадлежность»:

- 1) наличие социальных контактов — одиночество;
- 2) вовлеченность (быть в потоке) — отчужденность;
- 3) ощущение полноты и целостности — пустота.

Результаты полевого опроса

Для уточнения результатов был проведен письменный опрос, направленный на уточнение понятия «принадлежность». Полученные ответы обрабатывались так же, как результаты фокус-группы (табл. 2).

Контент-анализ подтвердил результаты фокус-группы: большинство ответов пришлось на понимание принадлежности как причастности к группе. Отмечались также и такие варианты, как быть частью общества, чего-то большего. Были добавлены темы романтических отношений и зависимости. В результате три исходных параметра дополнены еще двумя: принадлежность к группе — отчужденность, близость (безопасность) — зависимость (обладание).

Распределение ответов полевого исследования

Ответы	Частота ответа, шт.
Причастность к чему-либо (группе)	10
Часть чего-то большего	8
Наличие обязанностей перед какой-то определенной группой	6
Не имея общей цели, быть вместе	5
Атрибут, примкнувший к чему-то основному, но не играющий важную роль	5
Принадлежность кому-то	4
Испытывать на себе чье-то влияние, быть управляемым другим	4
Зависимость	3
Социальный элемент, часть общества	2
Быть несамостоятельным	2
Антоним – апатичность	2
Антоним – незаинтересованность	1
Продвижение чьих-то идей, поддержка	1

Полученные шкалы, описывающие принадлежность, переключаются с такими феноменами, как привязанность, зависимость, социальная эксклюзия и социальная идентичность, принадлежность и эго-идентичность. Опираясь на разработки С. Блатта [27], а также на результаты нашего исследования, можем предположить, что понимание о принадлежности выходит далеко за рамки социальных отношений, захватывая диадные отношения и конструирование «Я». Ниже представлен более детальный анализ связи принадлежности с другими феноменами.

Принадлежность и привязанность

Теория привязанности Дж. Боулби стала господствующей теорией, используемой сегодня при изучении диадных отношений и их значения для психического здоровья человека [1; 5]. Ребенок входит в этот мир и воспринимает его в буквальном смысле сквозь призму привязанности к матери [6], которая выступает условием для развития ориентировочно-познавательных процессов, эмоционально-личностной сферы, его самооценки, базового доверия к миру и эго-идентичности. В исследовании Е. В. Пупыревой [15] было показано, что особенности эмоциональной привязанности ребенка к матери оказывают влияние на становление его автономии, рассматриваемой в качестве одной из основных линий личностного развития.

Будучи базовой потребностью [39], автономия никогда не бывает первичной. Ей всегда предшествует этап глубокого слияния со значимым взрос-

лым. Корреляция привязанности и автономии находит подтверждение в модели Э. Деси и Р. Райана, где существует положительная корреляция между принадлежностью и автономией. А исследование Е. В. Пупыревой указывает на удовлетворение потребности в привязанности как условие для появления потребности в автономии.

Принадлежность диадным отношениям, как самым первым отношениям в жизни младенца, обуславливает развитие наиболее глубинных структур психики и является условием для появления потребностей в автономии и компетентности. Отсутствие социальной близости или реакции со стороны соответствующих лиц, осуществляющих уход, оказывает влияние на развитие симптомов пограничного личностного расстройства [10]. Нарушение привязанности приводит к недостаточной интеграции идентичности, что приводит к синдрому диффузии идентичности [11].

Будучи одним из наиболее мощных стремлений человека, желание симбиотической связи, принадлежность к диадным отношениям может принимать как ресурсные, так и патологические формы. В своих незрелых формах такие отношения приобретают формы симбиотического единения, из которых пассивная форма представляет собой мазохизм, а активная — садизм [23], являющиеся формами зависимости [3].

Принадлежность и зависимость

Зависимость — деструктивная привязанность, под которой мы понимаем дезадаптивный и стрессогенный стиль отношений во взрослом возрасте. Зависимость проявляется в стремлении поддерживать диадические отношения ценой фрустрации потребности в принятии, безопасности, любви, автономии [24] — тех потребностей, удовлетворение которых выступает первостепенной задачей нормальной привязанности. Причины этого механизма кроются в незавершившейся стадии сепарации из-за недостаточно крепкой привязанности [25] либо из-за нежелания одной из сторон ее разорвать [9]. Смысл такого механизма заключается в завершении сепарации и формировании сильного эго.

С момента рождения до двух-трех лет ребенок не осознает себя как отдельное существо. Однако со временем на основе доверия и ощущения безопасности возникает желание исследовать мир и психологическая зависимость. У ребенка появляется потребность в индивидуации — попытке построить свою неповторимую идентичность, принять свои собственные индивидуальные характеристики [12].

Если же процесс разделения не завершается или идет неправильно, собственное «Я» у ребенка оказывается нечетким, а границы личности остаются проницаемыми [25]. Позже, в отношениях зависимости, ввиду того, что потребности, удовлетворение которых должно стать основой для нормального функционирования эго, не удовлетворяются, завершение сепарации будет невозможным.

Принадлежность и эго-идентичность

Термин «эго-идентичность» был введен Э. Эриксоном [26] и обозначает тождественность человека самому себе. Формирование эго-идентичности приурочено к подростковому возрасту и проходит в несколько этапов, соответствующих статусам эго-идентичности [36]: предрешенной, диффузной, мораторию и достигнутой. Формирование достигнутой эго-идентичности, по сути, представляет процесс разрушения существовавших до поры, но утративших смыслообразующую силу личностных конструкторов и конструирование новых. Этот механизм характерен для каждого последующего возрастного кризиса [17], когда человек начинает ощущать противоречия между существующими целями и ценностями, возможностями окружающей реальности и новыми мотивами и потребностями. Другими словами, эго-идентичность — это принадлежность самому себе одновременно как биологическому существу, так и субъекту социальных отношений и культурного опыта, что в совокупности дает чувство уникальности и аутентичности. Несмотря на довольно позднюю манифестацию, эго-идентичность зарождается в возрасте около 1 года в ходе естественного процесса сепарации-индивидуации [12], когда достигается определенная константность переживания внешних объектов и себя [8]. Таким образом, принадлежность диадическим отношениям служит условием для реализации механизмов сепарации-индивидуации и появления чувства тождественности самому себе.

Тем не менее было бы неверным полагать, что диадические отношения являются самым первым видом отношений человека. Д. Винникотт [46] предполагает существование целостного, недифференцированного ощущения «Я», которое может иметь начало еще во внутриутробный период. Позже эта структура не дифференцируется, но остается условием для дифференциации последующих переживаний «Я» и других [45]. Это центральное «Я» содержит в себе ощущение непрерывности бытия, свои собственные способы и темп построения личной психической реальности и схемы тела. Эта структура, формируемая вне каких-либо отношений, получила название «изолят», или «истинное» [46]. Враждебное отношение к другим людям, проявление скрытой агрессии и напряжения выступают защитным механизмом, помогающим не допустить проникновение в личное пространство и травмирование. Любое сближение воспринимается как угроза и риск самосохранения [22].

Таким образом, тождественность с самим собой, принадлежность самому себе являются первичной и фундаментальной структурой психики человека, стержнем, на который нанизываются кольца пирамиды «Я».

Принадлежность и социальная идентичность

Тождественность самому себе — далеко не единственная форма идентификации. Примерно с трех лет, сперва через ролевые игры, ребенок начинает познавать мир, гораздо больший, чем его собственный или его семьи, — общество, отношения в котором регулируются правилами, нормами и ценно-

стями, приуроченными к определенным социальным группам [29]. Осознание индивидом своей принадлежности к конкретным социальным группам вместе с эмоциональной и ценностной значимостью этого членства для самой личности называется социальной идентичностью [43]. В отличие от эго-идентичности, социальная идентичность более гибкая, процесс идентификации происходит на когнитивном уровне. Так, человек может покинуть многие социальные группы, если членство в них угрожает самооценке [44].

Функция социальной идентичности — определять место человека в системе социальных отношений. Достигается это с помощью интернализации представления об обязательствах, которые накладываются на человека социальной системой через ролевые принадлежности. По сути, социальная идентичность является связующим звеном между «Я» и социальной структурой [42].

Идентификация с групповыми прототипами ведет к деперсонализации, которая в данном случае понимается как отказ от личностной идентичности в пользу социальной и не несет клинического подтекста [35]. Однако сильный разрыв между ролевыми ожиданиями и личностной мотивацией приводит к невозможности принять данную роль и встроиться через нее в социальную систему. Это происходит, когда структуры эго-идентичности слишком слабы и деперсонализация в пользу социальной идентичности вызывает страх разрушения [7]. Однако страх разрушения может быть не только причиной, но и результатом невозможности социальной идентификации. Это может происходить в двух случаях:

- когда социальная система претерпевает существенные изменения [16];
- когда человек по ряду причин исключается из социальной системы [19].

Следовательно, жизненно важная функция социальной идентичности, или осознания своей принадлежности к социальной группе, — уменьшение хаоса, упорядочение внешних, социальных, объектов и объектов внутренней реальности [35].

Принадлежность и социальная эксклюзия

Нарушение связей человека с социальной системой называется социальной эксклюзией [40]. Социальная эксклюзия может быть рассмотрена как результат обрыва психологической связи из-за невозможности социальной системы удовлетворить базовые психологические потребности человека [19; 20] либо как лишение доступа к социальным и материальным благам [41]. Ко второму случаю относятся люди из социальных групп, находящихся за чертой бедности, сексуальные, социальные меньшинства, заключенные, больные тяжелыми болезнями и т. п. Первая категория не представляет собой какую-либо социальную группу. Причины эксклюзии первой группы могут быть не связанными с объективной реальностью, а являться результатом ее психического отражения. Тем не менее доказана взаимосвязь переживания фрустрации базовых психологических потребностей и низкого социального статуса [19].

Глубина воздействия социальной эксклюзии на человека не раз была доказана в психофизиологических исследованиях. Так, исключение из социальной системы активирует те же области мозга, что и физическая боль [31]. Эти данные свидетельствуют о том, что страх перед социальным исключением имеет эволюционное значение, поскольку человек, обреченный на изгнание, обрекался на смерть. Киплинг Вильямс ввел такое понятие, как система раннего обнаружения признаков остракизма [46], поскольку психофизиологические и эмоциональные реакции на отвержение возникают раньше осознания данного феномена. Длительное пребывание вне системы социальных отношений (вне зависимости от реальности причины остракизма) приводит к появлению прямой агрессии или аутоагрессии, обращению человека к антисоциальным формам взаимодействия с окружающей реальностью [4].

Таким образом, социальная эксклюзия представляет собой феномен, противоположный принадлежности системе социальных отношений. Обрыв социальных отношений приводит к так называемой социальной смерти, которая переживается как физическая боль, приводит к антисоциальным формам поведения и в некоторых случаях к смерти физической.

Опираясь на теоретический анализ, мы можем выделить три вида принадлежности: принадлежность самому себе, принадлежность в диадных отношениях и принадлежность группе. Каждый из видов принадлежности обеспечивает формирование и поддержание определенных личностных конструктов: эго-идентичности, социальной идентичности. Распределение выработанных в результате опроса шкал по видам принадлежности показано на рисунке.

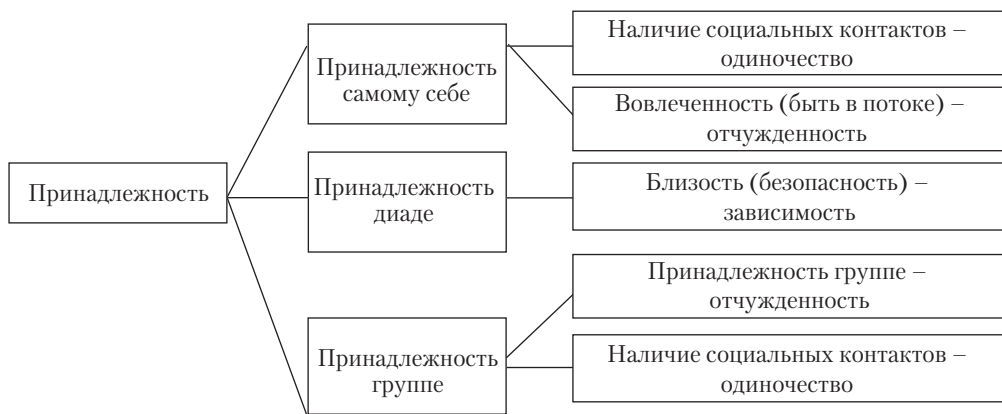

Рис. Распределение представлений о феномене принадлежности по видам принадлежности, выведенным в теоретическом анализе

Заключение

Целью данной работы было уточнение границ феномена «принадлежность». В результате серии исследований установлено, что потребность в принадлежности несколько шире, чем изначально было описано Э. Деси и

Р. Райаном. Анализ результатов фокус-группы и полевого исследования показал, что принадлежность — это сложный феномен, находящийся на пересечении других феноменов, таких как привязанность, зависимость, социальная эксклюзия и социальная идентичность, принадлежность и эго-идентичность. Как привязанность принадлежность к диадным отношениям является условием для развития таких дифференцированных структур, как доверие/недоверие к миру, самооценка, автономии. В случае нарушения принадлежности к диадным отношениям есть риск развития различных форм зависимости. Как эго-идентичность принадлежность самому себе — наиболее фундаментальное образование психики, развивающееся вне каких-либо отношений и являющееся основой для формирования дифференцированных представлений о себе. Нарушение этой структуры влечет за собой серьезные патологии и является основой для формирования психотической структуры личности. Как социальная идентичность определение себя через принадлежность группе опредмечивает человека в системе социальных координат. Невозможность опредметить себя в социальной системе приводит к невозможности существовать в ней и зачастую влечет за собой физическую смерть. Обрыв социальных связей также угрожает физической безопасности и переживается как физическая боль. Таким образом, феномен принадлежности гораздо шире, чем был представлен в теории самодетерминации Деси и Райана. Принадлежность — условие развития основных личностных конструктов и потребности в автономии; базовая психологическая потребность, реализующаяся в отношениях с «Я», в диаде и в группе.

На рисунке изображена модель выделения факторов феномена «принадлежность». Однако она требует эмпирической проверки.

The article is devoted to clarifying the concept of “relatedness” and determining the boundaries of the phenomenon. For this purpose, two studies were conducted: a focus group and a field survey. The focus group results the largest percentage of responses describe relatedness as the group affiliation. Moreover, three more representations of were identified: involvement — alienation, sense of wholeness — emptiness. The field research shows, confirmed previous results, and revealed two more representations. The subsequent theoretical analysis was aimed to describe the relationship between relatedness and related phenomena: social identity, ego-identity, attachment, dependence and social exclusion.

Keywords: need for belonging, theory of self-determination, attachment, dependence, ego-identity, social identity, social exclusion.

Список литературы

1. Авдеева Н. Н. Теория привязанности: современные исследования и перспективы / Н. Н. Авдеева // Современная зарубежная психология. — 2017. — Т. 6, № 2. — С. 7–14.
2. Авдеевская Е. П. Принадлежность к группе и самовосприятие личности / Е. П. Авдеевская // Вопросы психологии. — 1990. — № 3. — С. 144–150.
3. Баева Л. В. Дихотомии человеческого существования и механизмы бегства от свободы в трудах Э. Фромма / Л. В. Баева, О. Ю. Радченко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2013. — № 4. — С. 175–182.
4. Бойкина Е. Э. Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований / Е. Э. Бойкина // Психология и право. — 2019. — Т. 9, № 3. — С. 127–140.

5. *Бриш К.* Теория привязанности и воспитание счастливых людей / К. Бриш ; пер. с нем. О. Попова, О. Пономаренко. — 3-е изд. — М. : Теревинф, 2016. — 208 с. ; 21 см. — (SAFE).
6. *Бурменская Г. В.* Привязанность ребенка к матери как основание типологии развития / Г. В. Бурменская // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. — 2009. — № 4. — С. 17–31.
7. *Гантрип Г.* Шизоидные явления, объектные отношения и самость / пер. с англ. В. В. Старовойтов. — М. : Институт общегуманитарных исследований, 2010. — 672 с.
8. *Иванов Д. И.* Конструирование идентичности и объектные отношения [Электронный ресурс] / Д. И. Иванов // II Междунар. конф. по консультативной психологии и психотерапии, посвященная памяти Федора Ефимовича Василюка : сб. материалов (Москва, 5–7 ноября 2020 г.). — М. : Психологический институт Российской академии образования, 2020. — С. 105–108 (дата обращения: 13.04.2022).
9. *Ислямова З. Р.* Исследование созависимого поведения у крымско-татарских женщин с завершенным и незавершенным процессом сепарации / З. Р. Ислямова // Мир народов. Серия: Наука и практика. — 2017. — № 4. — С. 4.
10. *Кадыров Р. В.* Психологические последствия ранней детской травмы: обзор зарубежных исследований / Р. В. Кадыров, В. В. Венгер. Сб. науч. статей X Междунар. науч.-практ. конф. «Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности». — Ульяновск : Зебра, 2021. — С. 25–33.
11. *Кернберг О. Ф.* Отношения любви: норма и патология / О. Ф. Кернберг. — М. : Класс, 2000. — С. 13–15.
12. *Малер М. С.* Психологическое рождение человеческого младенца. Симбиоз и индивидуация / М. С. Малер, Ф. Пайн, А. Бергман ; пер. с англ. — М. : Когито-Центр, 2018.
13. *Никитская М. Г.* Зарубежные исследования учебной мотивации: XXI век / М. Г. Никитская, Н. Н. Толстых // Современная зарубежная психология. — 2018. — Т. 7, № 2. — С. 100–113.
14. *Обидина Т. В.* Эго-идентичность представителей юношеского возраста в контексте киберсоциализации / Т. В. Обидина // Современные наукоемкие технологии. — 2013. — № 7–2. — С. 149–150.
15. *Пупырева Е. В.* Эмоциональная привязанность к матери как фактор становления автономии личности в младшем школьном возрасте : дис. ... канд. психол. наук / Е. В. Пупырева. — М., 2007.
16. *Смородина М. С.* Аномия общества и самоубийства / М. С. Смородина // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2006. — № 2. — С. 140.
17. *Солдатова Е. Л.* Связь эго-идентичности и личностной зрелости / Е. Л. Солдатова, И. А. Шляпникова // Психология. Психофизиология. — 2015. — Т. 8, № 1. — С. 29–33.
18. *Степанова Е.* Социальная эксклюзия заключенных и экс-заключенных в России / Е. Степанова, М. Ефлова // Власть. — 2012. — № 1.
19. *Суворова И. Ю.* Нарушение структуры социальной идентичности в результате социальной эксклюзии / И. Ю. Суворова // Social Psychology & Society. — 2016. — Т. 7, № 4.
20. *Суворова И. Ю.* Разработка пробной версии опросника на определение переживания исключения из социальной системы / И. Ю. Суворова // Социальная психология и общество. — 2016. — Т. 7, № 4. — С. 132–146.
21. *Суворова И. Ю.* Адаптация общей шкалы удовлетворения базовых психологических потребностей Э. Деси и Р. Райана / И. Ю. Суворова, А. А. Бабий, Н. В. Корзун // Актуальные проблемы психологического знания. — 2021. — № 1–2. — С. 55–66.
22. *Токарева Ю. А.* Структурно-функциональный анализ отношения к другому при пограничном личностном расстройстве / Ю. А. Токарева, О. А. Потапов, В. А. Якушева. Сб. статей Междунар. научн.-практич. конф. «Актуальные вопросы современной науки и образования». — Пенза : Наука и Просвещение, 2020. — С. 250–253.
23. *Фромм Э.* Искусство любить / Э. Фромм ; пер. с англ. Л. В. Трубицыной, А. В. Ярхо и А. С. Соловейчика. — 2-е изд. — СПб. : Азбука-классика, 2004 (ГПП Печ. Двор). — 219, [2] с.; 18 см.

24. Хмелев Е. А. Исследование роли фрустрации базисных потребностей в развитии аддиктивного поведения у девочек-подростков / Е. А. Хмелев, В. В. Ветюгов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2006. — № 1. — С. 106–115.

25. Шматкова И. В. Нарушения привязанности как предпосылка созависимого поведения / И. В. Шматкова. Межвуз. сб. науч. ст. с междунар. участием «Актуальные проблемы формирования психолого-педагогической культуры будущих специалистов» / редкол. В. И. Кочурко и др. — Барановичи : БарГУ, 2020. — Вып. 9. — С. 317–327.

26. Эриксон Э. Г. Идентичность: юность и кризис / Э. Г. Эриксон. — М. : Флинта и др., 2006.

27. Blatt S. J. Levels of object representation in anaclitic and introjective depression / S. J. Blatt // Psychoanalytic Study of the Child. — 1974. — Vol. 29. — P. 107–157.

28. Blatt S. J. Relatedness and self definition: A dialectic model of personality development / S. J. Blatt, R. B. Blass. — In G. G. Noam & K. W., 1996.

29. Burke P. Identity and Social Structure: The 2003 Cooley-Mead Award Address / P. Burke // Social Psychology Quarterly. — 2004. — Vol. 67. — P. 5–15. — DOI: 10.1177/019027250406700103

30. Eisenberg N. I. Meta-analytic evidences for the role of cingulate cortex in social pain / N. I. Eisenberg. — Oxford University Press, 2014. — P. 1–2.

31. Eisenberger N. Social Pain and the Brain: Controversies, Questions, and Where to go from Here / N. Eisenberger // Annual Review of Psychology. — 2015. — Vol. 66. — P. 601–629.

32. Frodi A. Correlates of mastery-related behavior: A short-term longitudinal study of infants in their second year / A. Frodi, L. Bridges, W. Grolnick // Child development. — 1985. — Vol. 56. — P. 1291–1298.

33. Gagné M. Self-determination theory and work motivation / M. Gagné, E. L. Deci // Journal of Organizational Behavior. — 2005. — Vol. 26 (4). — P. 331–362.

34. Gagné M. The role of autonomy support and autonomy orientation in prosocial behavior engagement / M. Gagné // Motivation and Emotion. — 2003. — Vol. 27. — P. 199–223.

35. Hogg M. A. Uncertainty identity theory / M. A. Hogg // Advances in experimental social psychology. — 2007. — Vol. 39. — P. 69–126.

36. Kroger J. The identity statuses: Origins, meanings, and interpretations / J. Kroger, J. E. Marcia // Handbook of identity theory and research. — Springer, New York, N. Y., 2011. — P. 31–53.

37. Landa S. Crittenden's dynamic-maturational model of attachment and adaptation / S. Landa, R. Duschinsky / Review of General Psychology. — 2013. — Vol. 17, No. 3. — P. 326–338.

38. Levy T. M. Attachment disorder as an antecedent to violence and antisocial patterns in children / T. M. Levy, M. Orlans // Handbook of attachment interventions. — Academic Press, 2001. — P. 1–26.

39. Ryan R. M. Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness / R. M. Ryan, E. L. Deci. — New York : Guilford Publishing, 2017.

40. Sen A. Social Exclusion: Concept, Application, and Scrutiny / A. Sen. — Manila, 2000.

41. Shahar G. et al. Interpersonal relatedness, self-definition, and their motivational orientation during adolescence: A theoretical and empirical integration / G. Shahar et al. // Developmental psychology. — 2003. — Vol. 39, No. 3. — P. 470.

42. Stryker S. Self, identity, and social movements / S. Stryker, T. J. Owens, R. W. White (ed.). — U of Minnesota Press, 2000. — Vol. 13.

43. Tajfel H. Human groups and social categories. Studies in social psychology / H. Tajfel. — Cambridge : University Press, 1981. — 369 p.

44. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations / H. Tajfel // Annual review of psychology. — 1982. — Vol. 33, No. 1. — P. 1–39.

45. Williams P. Isolation / P. Williams // Psychoanalytic Dialogues. — 2019. — Vol. 29, No. 1. — P. 1–12.

46. Winnicott D. W. Dependence in infant care, in child care, and in the psycho-analytic setting / D. W. Winnicott // International Journal of Psycho-Analysis. — 1963. — Vol. 44. — P. 339–344.